

РАЗДЕЛ IV

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XX В.: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

О. О. Служаева (Самара)

Преступление и наказание поэта А. М. Добролюбова

«В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*», – говорил Заратустра [15, с. 9].

Философия Ф. Ницше была крайне популярна среди прогрессивных российских писателей конца XIX в., тем не менее, по воспоминаниям В. В. Гиппиуса, декадент и индивидуалист А. М. Добролюбов в начале своего литературного пути «совершенно не интересовался Достоевским (“Я подарил его своему швейцару!” – говорил он, позируя), оставался холоден к Ницше, все более отдаваясь, вслед за Бодлером, Верлену, Малларме, вслед за Эдгаром По – Блоку, Россетти» [16, с. 166].

Несмотря на это, «*переход и гибель*» оказываются важнейшими понятиями, характеризующими творческую личность и судьбу А. М. Добролюбова в целом. Стремление к *переходности* открывает его «Собрание стихов» 1900 г.: «Я предвижу, о отдаленнейший из потомков моих, какая огненная и до необычайности и непредвиденности чуждая струя зашипит по развертывающимся жилам твоим, в каком вечном стремлении перехода живет душа твоя» [5, с. 17]. В этом можно увидеть профетические тенденции, определенно характерные для творчества Добролюбова, но для нас важнее в этом прозаическом отрывке указание на опыт *т р а н с - г р е с с и и*. Ж. Батай, М. Бланшо, М. Фуко, Р. Барт многими годами позже будут уточнять этот термин, впервые обозначенный Гегелем, через философию которого, вероятно, эта идея и была воспринята Добролюбовым.

Путь Александра Михайловича Добролюбова (1876 – <весна 1945>) уникален неожиданными переходами от гедонизма к аскетизму, от духовного лидерства среди сектантов, желания создать всемирное

братство – к атеизму, от отрицания «образованных» – до острого желания заняться умственным трудом. Соединенье полярного и, казалось бы, несовместимого отражено в его творчестве, основным материалом которого стали постоянные поиски личности, а мотивы и образы претерпевали изменения исключительно в сфере автобиографической оценочной модальности.

Тема преступления и наказания, признания своей вины и покаяния образуют магистральный сюжет трех, вышедших при жизни автора, сборников. В чем же заключалась *вина* поэта, о которой так много говорили современники и о которой умалчивал автор?

Совершая «ритуальное убийство» привычной для русского читателя системы версификации, Добролюбов пытается как на уровне лирического сюжета, так и непосредственно в жизни, отравляя себя морфием и гашишем, проживая в комнате, оклеенной черными обоями и похожей на гроб, уничтожить свое «я», свою идентичность и таким изощренным способом наказать себя за символически совершенное преступление, или, по выражению Добролюбова, «измену»¹. Ощущая связь между его поэтическим alter ego (субъектом письма), действующим «вне закона», готовым с легкостью разрушать любые условные границы, и поэтом, современники были склонны вменять последнему вполне реальные преступления. В этом отношении интересна биографическая заметка С. А. Венгерова, приведем отрывок из нее: «Как мне достоверно известно от людей мне очень близких, Добролюбов уговаривал несколько девушек и студентов испытать сладость смерти. И в связи с действительными самоубийствами некоторых студентов, которые приводили в связь с добролюбовским восхвалением красоты смерти, Добролюбову, как тогда определенно говорили в заинтересованных кругах, пришлось оставить университет» [16, с. 160]. Из статьи З. Н. Гиппиус о Добролюбове: «Чудачества его носили самый разнородный характер: то были детски невинны и наивны, то опасны. Он оклеивал потолок своей комнаты черной бумагой и убеждал молодых девушек убивать себя» [4]. О самоубийствах также упоминает в своих воспоминаниях А. Белый (см.: [2, с. 387]). Схожими биографическими подробностями делится поэт-символист В. В. Гиппиус, близкий друг Добролюбова с гимназических пор (а также учитель О. Мандельштама в Тенишевском училище, «преподававший, – по воспоминаниям

¹ «Бесстрастно как яд я давно приготовил измену» [5, с. 64]. Также рассуждение об измене звучит в письме от 24 августа 1940 г., отправленном поэтом своим самарским последователям: «Конечно, я слышу – многие скажут: “Это измена”. Но это не измена. Это окончательная расчистка дорог» (см. об этом: [10]).

поэта, – детям вместо литературы гораздо более интересную науку – литературную злость» [13, с. 79]). В. В. Гиппиус буквально настаивает на преступности своего друга: «...на самом деле становился повинен не только в собственном медленном самоубийстве, но и в самоубийстве других, которых он склонял и склонил к этому» [16, с. 160]. Следует полагать, что представление о «жертвах» Добролюбова было в начале века достаточно устойчивым; именно поэтому Д. С. Мережковский, приводя историю о юных девушках-самоубийцах, говорит о ее легендарности (см.: [14, с. 101]). По всей видимости, мотив преступления был настолько принципиален для понимания современниками причин развернувшихся в дальнейшем ухода и покаяния Добролюбова, что в 1926 г. С. Н. Дурылин, большой поклонник творчества поэта и адепт его духовных поисков, вынужден оспаривать Мережковского, отстаивая совершенные поэтом преступления как важный биографический, а не только лишь мифотворческий факт: «Но это – не легенда. <...> ...этот протопоп Аввакум декадентства, посылавший на смерть и сам умиравший на медленном огне ядов» [9, с. 704].

Следует отметить, что биографы и исследователи творчества Добролюбова последующих лет не нашли подтверждений упоминаемым выше, якобы реальным, событиям. Добролюбов действительно был отчислен с третьего курса историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета – по собственному желанию. В его личном деле, по словам Е. В. Ивановой, не указаны сведения о возможных причинах, повлекших отчисление, также исследовательнице не удалось найти покончивших с собой среди студентов и его знакомых [11, с. 214].

Во многом *дискурс преступления* ввел сам Добролюбов, объясняя таким образом в беседах с близкими друзьями причины произошедшего в нем духовного перелома. «На мои расспросы, как все случилось? – он мне рассказал коротко и страшно волнуясь, что его “научили чайки”, – вспоминал В. В. Гиппиус, – когда он был на охоте и стал целиться, они низко пронесли над его головой и кричали жалобы, и он понял, что он был всю жизнь жесток. Потом он все повторял, что он “нечистый сосуд” и что он должен очиститься. И из всего, что он мне еще говорил, я понимал, что он кается в своих жестокостях, которые он творил» [16, с. 171].

После встречи с Добролюбовым в Москве 28 июля 1898 г. В. Брюсов делает запись в своем дневнике: «И вместе с этим поклонением художеству, он сказал себе, если есть только эта жизнь, то нет ничего запрещенного и он позволял себе все. “Я никому не перескажу, – говорил он мне, – некоторых своих грехов, ибо боюсь, что такое покаяние введет в соблазн. И я уверен, что иного вы и представить не можете, не можете

помыслить» [2, с. 43]. Брюсов также упоминает об охоте, которой Добролюбов предавался в Олонецкой губернии, – но на медведя [2, с. 42]. Позже в прозаическом тексте «О союзе со зверями» Добролюбов напишет: «Я пришел к вам послом от медведя, истинно хочет примириться он с вами» [6, с. 137].

Интересное продолжение тема преступности поэта получает в биографической заметке С. А. Венгерова: «Претенциозно изданная в 1895 году книжка стихов и прозы “Natura naturans – Natura naturata” была высмеяна. Он затаил обиду, но писал по-прежнему много, “нарушая все законы и преступая все черты”, употреблял свои яды» [16, с. 160]. В этом небольшом отрывке отражена вся суть претензий к писателю. Даже додуманное автором упоминание об обиде звучит как объяснение его устойчивой греховности: вместо того чтобы прислушаться к читательской критике дебютного сборника «Natura naturans. Natura naturata» и раскаяться, поэт продолжает жить как прежде – пренебрегая традиционными общественными нормами и нормами стихосложения.

Нехитрое по своей сути создание мифологизированного психологического портрета Добролюбова – человека, согласно этому портрету, эгоистичного, склонного к эпатажу и позерству, является попыткой современников объяснить на первый взгляд странное ношение поэтом вериг, которое предшествовало его уходу, отказ от писательства, испущенное покаяние, разрыв с привычным кругом общения. Отвергая сообщество, становясь в оппозицию к нему, человек неминуемо обретал статус «отверженного».

Добролюбов, в свою очередь, в сборнике 1905 г. «Из книги невидимой» предъявил обвинения кругу нераскаявшихся друзей: «Пред вами стою я, современные люди! Вам не надо борьбы со своей плотью, со своим тлением, со своим злом, вы называете это любовью к себе, заботой лишь о себе. Как *притворяетесь* (здесь и далее курсив мой. – О. С.) вы, как ухищряетесь и не видите этого!

Нет! я не буду *лгать* так как вы, я не скажу, что всякое намерение мое чисто, у кого чисто оно? Вы привыкли к безобразию своему.

Нет! я *лжею* как последний предатель, от детства учили меня воровать, я не говорю и обманываю, я *краду* истину.

Иногда вспоминаю я правду, но так равнодушно... И тогда я беру эту плеть и изгоняю всех этих бродяг, всех продающих и покупающих из груди моей. Гнев мой *священен*» [6, с. 53].

Этот прозаический отрывок – своего рода кульминация сборника – по строению больше напоминает последнюю речь подсудимого.

Риторические восклицания, включающие в себя немотивированное сюжетом отрицание, – характерная особенность поэтической речи Добролюбова в целом. Приведенный фрагмент адресован не просто к знакомому писательскому кругу – это слово, обращенное к суду вселенскому. И в этом слове поэту есть что противопоставить его обвинителям, таким же преступникам и лжецам: его, поэта, исключительное качество – искренность. «Искренний путь мой» [6, с. 3], таким образом, становится аффективным переходом к конечному обретению все более развертывающейся перед его поэтическим alter ego истины и главным доказательством невинности и превосходства.

Несмотря на то, что после ухода Добролюбова за его образом закрепился оттенок святости и жертвенности, большинство его действий при жизни продолжали носить радикальный характер либо от них ждали подобного эффекта. Так, в июле 1910 г. врач Д. П. Маковицкий, близкий к семье Л. Н. Толстого, записывает в дневнике разговор о пожаре в доме М. А. Шмидт: «Была речь о В. А. Репине; он спросил М. А. Шмидт, как она относится к пожару. По этому вопросу все думали, и Л. Н., что он (В. А. Репин) поджег, но потом Л. Н. перестал подозревать его. <...> Л. Н. (о В. А. Репине): Его жена думает, что это Добролюбов на него подействовал. Софья Андреевна послала Н. Н. Ге и М. В. Булыгина в Овсянниково с тем, чтобы внушить Репиной увезти мужа» [12, с. 295].

Темы преступления и наказания, заключения, вины, греха, раскаяния и искупления – основа лирического сюжета сборника стихотворений «Из книги невидимой». Лирический субъект желает покаяться во всех своих грехах, что заявлено в эпиграфе к третьей части книги «Жертвенник из земли»: «Исповедуй откровенно все прошлые отступленья твои» [6, с. 46]. Или: «Для того положил Ты покаянье и исповедыванье пред всеми, потому что мы пред всеми виновны» [6, с. 6]. Призывает он к этому и читателя, «ибо мы все одно тело» [6, с. 24].

Несмотря на заявленную уже в начале исповедальность, поэт так и не рассказывает ни в одном существенном преступлении. Едва ли не единственным прегрешением становится вина перед лицом природы: «...простите меня, сестры травки, когда я лежал в июньские дни среди вашего храма, вас обижая. Тяжелыми благовоньями дышит степь, а моя привычная ко злу рука неизвестно зачем обрывает ваши тихие листики» [6, с. 5]. Помимо этого в парадигме греха он воспринимает свое предшествующее творчество: «Все вы, читавшие рукописи мои тогдашних времен моего заблужденья! бесконечно простите меня, это было ужасное отклоненье <...> Простите меня бесконечным прощеньем в истинном сожаленьи...»

[6, с. 51]. Как видно из примеров, грехом для поэта выступают былые идеи декадентства и разьединенность с миром. За это он наказывает себя темницей, молитвой, постами, об этом складывает псалмы, как преступление видит всю свою прошлую жизнь. Переходом к искренности становится переход к примитивизму, инфантильному языку и наивной поэзии. Из темницы мертвого языка лирический герой переходит к живой народной речи, на уровне жанра – к песням и сказу. Тоска по целостности и отчужденная фрагментарность требуют воссоединения в области языка, слова, после покаяния: «Прости, прости, целым, простым сотвори опять дух мой» [6, с. 112]. На уровне поэтики именно для рождения в стихах «искренного слова» и голоса лирического «я» были так необходимы и мотив преступления, и исповедальность с ее признаниями в былых прегрешениях: «И Ангел подошел ко мне и показал книгу и велел писать, хотя я ничего не прочитал. И тогда сказал мне: это книга простая, книга простоты. Без простоты я не покажу тебе ее тайн. Оставь, оставь свою волю!» [6, с. 108].

Список литературы

1. Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : [сб. ст.]. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 121–146. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Блоковский сб. III ; вып. 459).
2. Белый А. Начало века. М. : В/О «Союзтеатр», 1990. 526 с.
3. Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910. [М.] : М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с. (Записи прошлого. Воспоминания и письма).
4. Гиппиус З. Н. Собр. соч. : [в 15 т.]. Т. 7 : Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916. М. : Рус. кн., 2003. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/312697/read> (дата обращения: 17.06.2017).
5. Добролюбов А. М. Собрание стихов / предисл. Ив. Коневского, В. Брюсова. М. : Скорпион, 1900. 71 с.
6. Добролюбов А. М. Из книги невидимой. М. : Тип. о-ва распр. полез. кн., 1905. 204 с.
9. Дурылин С. Н. Александр Добролюбов // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 685–735.
10. Иванова Е. В. Один из «темных» визитеров // Прометей : ист.-биограф. альм. Вып. 12 : 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого посвящается. М. : Мол. гвардия, 1980. С. 303–313.
11. Иванова Е. В. Александр Добролюбов – загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–236.

12. *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» : в 4 кн. Кн. 4 : 1909 (июль – декабрь) – 1910. М. : Наука, 1979. 487 с. (Лит. наследство ; т. 90).

13. *Мандельштам О. Э.* Шум времени. Л. : Время, 1925. 101 с.

14. *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб. : М. В. Пирожков, 1908. 208 с.

15. *Ницше Ф.* [Собр. соч. Т. 1] : Так говорил Заратустра = (Also sprach Zarathustra) : символич. поэма / пер. с нем. Д. Борзаковского ; под ред. А. Введенского. М. : М. В. Клюкин, [1900]. 360 с.

16. Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С. А. Венгерова ; послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М. : Республика, 2004. 543 с.

С. К. Пестерев (Томск)

Персонажи Запада и Востока в малой прозе Марка Алданова (очерк «Король Фейсал и полковник Лоуренс» и рассказ «Павлинье перо»)

Восточная тема в творчестве Алданова не относится к числу преобладающих. В центре внимания автора чаще всего оказываются Россия и Европа, в то время как две другие культуры, американская и восточная, остаются на периферии. Во введении к рассказу «Павлинье перо» Алданов пишет: «Много лет назад я посетил три страны Ближнего Востока. Сравнительно долго прожил только в Каире (в исторической гостинице “Шепхерд”, сгоревшей во время пожара 1952 года, известной по книгам путешественников девятнадцатого века). Все мои дорожные записки остались в России. Кое-что в памяти сохранилось. Больше дали мне для этого рассказа книги, газеты и сообщения людей, проживших долгие годы в Северной Африке и покинувших ее лишь несколько месяцев назад» [1, с. 427]. Пребывание Алданова на Ближнем Востоке относится к юношескому периоду жизни писателя, о котором мы имеем минимальные сведения: точные данные о времени и месте пребывания Алданова на Ближнем Востоке отсутствуют даже в самых авторитетных источниках.

Можно выделить два текста, в которых в центре внимания автора оказываются персонажи восточной истории в их контактах с европейской